

Е.С. Лавриненко

ОРФИЧЕСКИЙ МИФ В ЛИРИКЕ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА

В истории мировой литературы есть ряд сюжетов и образов, которые постоянно повторяются, не теряя при этом своей актуальности. Они уже стали восприниматься не иначе как комплекс общечеловеческих, психологических, философско-эстетических идей. В литературе начала XX века активно использовались мифологические сюжеты и образы, в первую очередь библейские и древнегреческие. Особой продуктивностью отличался миф об Орфее с его профетически-теургической семантикой. Актуальной эта проблематика была и в творчестве В. Ходасевича.

Несмотря на существующую научно-критическую литературу, посвященную художественному наследию поэта, такой ключевой аспект его эстетической системы, как проблема теургической личности, никогда не становился предметом специального исследования, а рассматривался фрагментарно либо только упоминался в контексте статей о поэзии Ходасевича. Между тем без осмысления концепции поэта-теурга, выраженной через орфические мотивы, невозможно понять авторский идеал личности. Целью данного исследования является анализ орфических мотивов в лирике В. Ходасевича.

Орфей – традиционный образ, символизирующий личность, способную преобразить мир с помощью лирического таланта. Орфический миф являет собой некий продукт синтеза таких видов искусства, как музыка и литература. Современники Ходасевича обращались к античному мифу для того, чтобы дать форму субъективному переживанию. По мнению С.С. Аверинцева, для литературы модернизма характерно «свободное, непатетическое отношение к мифу», в котором постижение жизни происходит путем нахождения «мифических первооснов часто в самых простых и обыденных вещах и представлениях» [1, с. 881].

Актуальность орфического мифа в русской литературе и культуре рубежа веков объясняется повышенным интересом к психологическому аспекту творческой личности. Эпоха определила новый статус героя. Особое значение при этом приобретало именно теургическое начало, способность героя с помощью художественного дара созидать новую реальность. Эта тенденция наметилась уже в романтизме. Символисты, вслед за романтиками, провозглашали, что истинный поэт может творить не только эстетическую сферу бытия, но и его онтологию. «Творческое слово созидает мир», – утверждал А. Белый [3, с. 213].

Орфей был близок символистам творческим потенциалом, силой голоса, способностью подчинить себе сферу природных явлений. В Брюсов в своем стихотворении «Орфей и аргонавты» наделял героя властью как над неживой природой («скал чарователь»), так и над человеческой душой («Думами темных гребцов овладеет»). В другом его стихотворении «Орфей и Эвридика» также

нашла выражение характерная для орфического мифа оппозиция *мир живых / мир мертвых*. Гносеологический статус Орфея и Эвридики различен: влюбленных разделяет разная глубина знаний о космосе. Познавшая тайну потусторонности Эвридика видит «сумеречную» сторону бытия. Она признает поверхностными представления Орфея о земной реальности:

Ах, что значат все напевы
Знавшим тайну тишины!
Что весна, – кто видел севы
Асфоделевоу страны

[6, т.1, с. 385].

В поэтическом цикле «Памяти Скрябина» Вяч. Иванова поэт тоже наделяется способностью управлять различными субстанциями: «Он был из тех певцов (таков же был Новалис), / Что видят в снах себя наследниками лир, / Которым на заре веков повиновались / Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир» [7, с. 284]. Это избранник, который восходит к мифологическому Орфею, он представлен в роли божественного творца. Как утверждает А. Асоян, для В. Иванова «...миф на всех уровнях человеческого опыта сохранял свое онтологическое содержание» [2, с. 42]. Это высказывание может быть применимо и к орфической тематике в поэзии Ходасевича.

В поэзии В. Ходасевича прочно утверждается судьбоносный образ лиры-креста, «тяжелой лиры». Лирический герой несет свой крест – лиру. Его творческой задачей становится созидание иного, более совершенного мира и привнесение в него новых ценностей. В связи с этим важнейшее место в зрелой поэзии Ходасевича занимает орфическая тема как выражение одного из альтернативных путей развития человечества. Сам Ходасевич следующим образом характеризовал творческий акт: «<...> поэт, не искажая, но преображая, создает новый, собственный мир, новую реальность, в которой незримое стало зримым, неслышное слышимым»; «Чтобы новое бытие не осталось мертво, поэт придает ему движение»; «“Попадая в поэзию”, вещи приобретают четвертое, символическое измерение, становятся не только тем, что были в действительности. То же надо сказать о самом поэте. Преобразуется и он» [10, с. 518].

Стихотворения Ходасевича, в которых центральным является образ Орфея, всегда характеризуются предельной образной ёмкостью и смысловой насыщенностью. В них нашли воплощение проблемы, волновавшие автора на протяжении всей его творческой жизни. Это вопрос о назначении поэта и поэзии, двойственности призвания поэта (высокая миссия, стремление к гармонии и в то же время трагизм, включающий в себя страдания и одиночество героя), мифопоэтическая модель жизненного круговорота, уравнивающего бытие и небытие, проблема соотношения в жизни человека сознательного и бессознательного начал. Этот тематический комплекс обрел полноту звучания в лирике Ходасевича с момента появления в ней орфического мифа. Орфей воплотил идею поэта-теурга и продемонстрировал высокий

потенциал творчества. В то же время Ходасевич воспринял и философию орфизма, проповедовавшего идею единства противоположностей. Как утверждает М. Элиаде, в учении об Орфее осуществилось классическое единение двух начал: аполлонической гармонии и дионисийского буйства [11, с. 154]. Обновление мира в процессе жизни и смерти, по сути, соотносилось орфиками с перевоплощением Диониса как божества вечного возрождения. М. Элиаде отмечает, что в основе орфической эсхатологии лежит «антропогонический миф», т.е. учение о двойственности природы человека. В человеке можно выделить два начала: низшее, телесное, и высшее, духовное, дионисийское. Именно дионисийское начало первично. С точки зрения орфиков, жизнь – это страдание. Душа в теле человека неполноценна, поскольку тело является гробницей и темницей души. Поэтому цель жизни – освобождение души от тела. По мнению орфиков, душа обречена на вечное переселение из тела в тело, причем это могут быть тела не только людей, но животных и растений. Получив свободу от тела, душа становится бессмертной.

В творчестве Ходасевича была представлена оригинальная трактовка орфического мифа с точки зрения творческого потенциала личности. В отличие от В. Иванова, Орфей которого воплощал религиозный подвиг, достижимый на этапе «антропогонической и космогонической зрелости мира» [2, с. 46], Ходасевич обратился к фигуре Орфея для того, чтобы подыскать для своего видения эпохи и роли поэта в ней соответствующее выражение. Его Орфей призван творить в современной реальности. При этом Ходасевичу была близка позиция А. Белого, который полагал, что теургия должна вершиться в современности, а символом глубочайшего напряжения творчества является именно Орфей.

Образ Орфея выступает как одна из важных составляющих мифопоэтической картины мира Ходасевича. Соотнесение с мифологическим персонажем определяет пути раскрытия личности, способствует утверждению лирического субъекта во времени-пространстве современной действительности. Орфей Ходасевича не только воплощал собственное мироощущение автора, но и проецировался на мечту о сверхчеловеке. Этот мифологический образ в поэзии Ходасевича символизировал созидательное начало. Традицией модернизма в зрелой лирике Ходасевича можно считать предрасположенность к выражению особого образа личности, в которой реализуется тенденция диалогизации всех сфер бытия («Возвращение Орфея», «Века, прошедшие над миром...» и т.д.).

В лирике Ходасевича можно выделить полярные по отношению друг к другу образы поэта-теурга (Орфея) и псевдопоэта. В стихотворении «Пролог неоконченной пьесы» из первой книги «Молодость» поэт погружен только в собственные переживания: «В сердце Поэта за горькую нежность / С каждым стихом проливалася кровь», «Самая хмельная боль – Безднадежность, / Самая строгая повесть – Любовь!» [10, с. 70]. В сборнике «Счастливый домик» печаль поэта представляется смешной: «Ты губы сжал и горько брови сдвинул, / А мне

смешна печаль твоих красивых глаз» [10, с. 82]. Творения такого поэта не оригинальны («банальный миг, воспетый столько раз»), его «написанный прилежно» призыв к смерти вызывает ответную реакцию – «А мне смешно и нежно: / Как мил изменницей покинутый поэт!» [10, с. 82].

В том же сборнике «Счастливый домик» впервые возникает в стихотворении «Возвращение Орфея» и образ поэта-Орфея, воплощающий идеал человеческой личности. Он предстает как творец, чей талант оказывается не востребуемым. В элегической жалобе на несовершенство человеческого мира Орфей сетует на то, что люди не нуждаются в тайном знании, принесенном им с берегов Коцита. Дистанция между ним и воспринимающими его песнь кажется ему непреодолимой:

О, пожалейте бедного Орфея!
 Как скучно петь на плоском берегу!
 Отец, взгляни сюда, взгляни, как сын, слабея,
 Еще сжимает лирную дугу! <...>
 Пустой души пустых очарований
 Не победит ни зверь, ни человек.
 Несчастен, кто несет Коцитов дар стенаний
 На берега земных веселых рек!

[10, с. 76–77].

Герой и окружающие его люди и звери находятся по разные стороны гносеологической границы: «звери» и «камни», так же, как «дети» и «девы», не способны понять песнь героя. Их сознание и восприятие действительности ограничены самим образом существования: «пустой душе» свойственны «пустые очарования». Орфей своим чудесным пением, творческим даром призывает слушателя устремиться к духовному просветлению. Однако Ходасевич не описывает тот магический эффект, который традиционно производит пение Орфея. Поэт творчески перерабатывает орфический мотив. В сознании Орфея как аполлонического героя красота должна одержать победу над присушим жизни «пустым очарованием». Но кроткий Орфей Ходасевича, «слабея», «сжимает лирную дугу», не в силах противостоять косности и донести свою песнь. В «Счастливом домике» автор создает образ Орфея, который предстает скорее в качестве человека, испытавшего боль утраты своей любимой, нежели героя-теурга:

И вот пою, пою с последней силой
 О том, что жизнь пережита вполне,
 Что Эвридики нет, что нет подруги милой...

[9, т.1, с. 76].

Актуализируется лишь один из эпизодов орфического мифа. При этом автор избегает пафосной, патетической тональности. Но то, что герой является обладателем чудодейственного художественного дара, возводит его в ранг творца, способного своим пением создавать особую поэтическую реальность.

Таким образом, уже в «Счастливым домике» появляется образ героя-Орфея, четко осознавшего свое предназначение в этом мире. Как посредник между загробным и земным мирами, он обретает способность связывать воедино в своём поэтическом творчестве жизнь и смерть, небо и землю.

В стихотворении «Века, прошедшие над миром...» появляется образ Орфеева пути, на который «ступают» современники. Однако автор сетует, что поэты нового времени, в отличие от их мифологического предка, обременены сиюминутными тревогами и не способны подняться до вечных онтологических проблем, а потому «мертвым непостижна / Потомков суетная речь».

В стихотворении «Акробат» Ходасевич представил еще одну разновидность современного творца. Это поэт-«фигляр», развлекающий зрителей, тем самым выполняя «социальный заказ». Подобно акробату, который передвигается по канату и может упасть в любую минуту, поэт тоже постоянно подвержен опасности: «А если, сорвавшись, фигляр упадет / И, охнув, закрестится лживый народ, – / Поэт, проходи с безучастным лицом: / Ты сам не таким ли живешь ремеслом?» [9, т.1, с. 225]. Уподобляя своего поэта фигляру-циркачу, Ходасевич пытается привлечь внимание читателя к функции художника в человеческом сообществе. Истинный поэт призван творить, а не развлекать, поэтому слова автора полны горечи.

Полноту звучания орфическая проблематика обретает в зрелом творчестве поэта. Основным элементом, определяющим сюжетно-образную структуру целого ряда стихотворений этого периода творчества Ходасевича, становится образ «сверхчеловека». В нем воплощается «конститутивный признак человеческого бытия» [4, с. 73]. В сборнике «Путем зерна» помимо реального в этом образе актуализируется идеальное, сверхреальное начало («Я весь – как взмах неощутимых крыл, / Я звук, я вздох, я зайчик на паркете, / Я легче зайчика: он – вот, он есть, я был» [9, т.1, с. 164]). «Я» героя представляет собой не только познающую, но и живущую, творящую свое новое бытие субстанцию: «Еще одно усилие для меня – / И на концах дрожащих пальцев, тайно, / Быть может, вспыхну кисточкой огня» [9, т.1, с. 164].

Начиная со сборника «Путём зерна», на первый план в художественном мире писателя выходит идея творческой активности человека. Исключительную важность для Ходасевича представляет этический аспект деятельности. Истинной и, следовательно, результативной, является активность, направленная на созидание. С конструктивной деятельностью связан мотив преобразования мира: «Как не любить весь этот мир, / Невероятный Твой подарок? / Ты дал мне пять неверных чувств, / Ты дал мне время и пространство... / И я творю из ничего / Твои моря, пустыни, горы, / Всю славу солнца Твоего...» [9, т.1, с. 223].

Творческое преображение мира Ходасевич признавал наиболее значимым, хотя и не единственным путем гармонизации действительности. В сборнике «Тяжелая лира» акцентируется символистский дар героя – способность к «тайнослышанью». В предисловии к собранию сочинений

Ходасевича С.Г. Бочаров выделяет в этой поэтической книге следующие темы символистского происхождения: изображение акта творчества (теургия); мотивы творческого преображения мира и человека; мотивы трансцендентного порывания «за синеву», в «четвертое измерение»; «ницшеанский» комплекс лирики Ходасевича [5, с. 22–23].

Теургическая функция поэта открывала возможность для гармонизации трагического бытия и совершенствования личности. Этим обусловлен и образ «тяжелой лиры», атрибута орфической деятельности, вынесенный в заглавие поэтического сборника: пути служения истине легкими не бывают.

Ключевую роль в этой книге играет стихотворение «Баллада» (1921). В нем реализуется постулат Бердяева о постижении мира через акт творчества. Идея преображающей роли творчества, изложенная Бердяевым в труде «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», оказалась близка Ходасевичу и всему Серебряному веку, поскольку она созвучна идеям символистов о теургической функции поэта. В стихотворении Ходасевича и воспроизводится процесс превращения героя в теурга. Важную роль играет появление особого обостренного слуха («музыка, музыка, музыка вплетается в пенье мое»), особой восприимчивости поэта. Герой как бы балансирует на грани бытия и инобытия. Он подчиняется «плавному, вращательному танцу», вырастает над самим собой, вырываясь из этого сковывающего его свободу мира. Сильное переживание, внутренняя сосредоточенность героя способствуют перерождению, возвышению человеческого духа:

Я сам над собой вырастаю,
 Над мёртвым встаю бытием,
 Стопами в подземное пламя,
 В текучие звезды челом.
 И вижу большими глазами –
 Глазами, быть может, змеи, –
 Как пению дикому внемлют
 Несчастные вещи мои <...>

[9, т.1, с. 282 – 283].

Превратившись в Орфея, герой обретает новые черты: монументальность, величие, способность покорять космическое пространство. В зрелой лирике Ходасевича достичь гармонии может только творческая личность, которая в ходе преобразования внешней среды обретает черты «сверхчеловека».

В соответствии с мифологической концепцией поэта и поэзии Орфей осуществляет преобразование прежнего застывшего статического мира в динамический. В.Н. Топоров отметил, что лишь тот, кто «сжимает лиру», как Орфей, способен быть поэтом. Только в этом случае голос поэта обретает силу воздействия на слушателей, пробуждает их слух, необходимый для постижения высшей духовной реальности [8, с. 37].

Появившийся в поэтическом сборнике «Тяжелая лира» мотив избранности поэта становится лейтмотивным в творчестве Ходасевича. По Ходасевичу, поэт – обладатель сакрального знания, подобный герою лирики В. Иванова, писавшего: «Заклятья древние, казалось, узнавались, / Им, им одним...» [7, с. 284]. У Вяч. Иванова поэт наделяется даром общения с высшей реальностью: «Не медли!» – звал он Рок, и зову Рок ответил» [7, с. 284]. В стихотворении Ходасевича «Баллада» (1921) также проявляются неординарные способности Орфея. Стихотворение представляет собой попытку постижения сути творчества, причем теургический акт мыслится как особое состояние героя. Петь, творить – означает донести миру свою волю, показать свой талант. Однако такой способностью наделяется лишь тот, кто познал внутреннюю гармонию. Истинный поэт воспринимает творчество как неотъемлемую часть своей жизни. По мысли поэта, творчество – прежде всего одиночество, избранничество, наделяемость особыми способностями вопреки собственной воле человека. Получается, что это причастность к высшему, духовному началу, которое не зависит от субъективной воли. Это высшая сила, которая управляет героем, подчиняет его, превращая в посредника между небом и землей.

В «Балладе» (1921) предметом осмысления становится традиционная для Ходасевича проблема неизбежности страдания в процессе обретения тяжелого, но необходимого жизненного опыта. Поэт, по Ходасевичу, не вправе избегать посылаемых ему испытаний: он должен прочувствовать и переосмыслить любые страдания. Это способ преодоления невыносимой и бессмысленной тяжести бытия и быта. Потому герой и принимает «тяжелую лиру», осознавая собственную миссию в совершенствовании мира:

И кто-то тяжелую лиру
 Мне в руки сквозь ветер дает.
 И нет штукатурного неба
 И солнца в шестнадцать свечей:
 На гладкие черные скалы
 Стопы опирает – Орфей
 [9, т.1, с. 283].

Герой осмыслен в книге «Тяжелая лира» как своего рода соперник и одновременно соратник Творца, способный созидать новый мир не в противовес сакральному замыслу, а в соответствии с ним, как в стихотворении «Горит звезда, дрожит эфир...».

Если в орфических стихотворениях «Счастливого домика» Ходасевича больше интересовали трагические стороны мифологического сюжета, актуализировался прежде всего мотив утраты, то в сборнике «Тяжелая лира» акцентируется именно созидательное, творящее начало в герое, и образ Орфея становится главным смыслообразующим стержнем книги. Свойствами Орфея наделяется лирический герой Ходасевича. Он одновременно и присутствует в физическом бытии и выходит за его рамки. Его поэзия выступает как

посредница между небом и землей. Истинный поэт, наделенный творческим даром, не боится боли, страдания и смерти. Он будет вещать в любом случае, как пушкинский герой, «глаголом жечь сердца людей». Однако никакого отклика внешнего мира, как и в раннем творчестве Ходасевича, поэзия не получает. Орфей в лирике Ходасевича, в отличие от традиционной трактовки этого образа в античной мифологии, живет вовсе не в идеальном и гармоничном целостном мире. В силу этого и дар «тайнослышанья» обретает амбивалентное содержание. Так, например, в черновиках 1921 года есть стихотворение, в котором герой ощущает не вдохновение и творческий подъем, а ужас и растерянность после обретения дара: «Я сон потерял, я живу как во сне. / И музыка дальняя слышится мне. / И арфы рокочут, и скрипки поют – / От музыки волосы дыбом встают» [10, с. 290]. Герой не выдерживает тяжести этого дара: «И падают звуки, а сердце горит, / А мир под ногами в осколки летит. / И скоро в последнем, беззвучном бреду / Последним осколком я сам упаду» [10, с. 290].

В черновиках 1925 – 1926 гг. появляются строки, свидетельствующие о крайнем отчаянии и осознании невыполнимости своей миссии. Мир и люди в этом стихотворении обречены:

Как больно мне от вашей малости,
От шаткости, от безмятежности.
Я проклиная вас – от жалости,
Я ненавижу вас – от нежности.
О, если б вы сумели вырасти
Из вашей гнилости и вялости,
Из <...> болотной сырости,
Из... [10, с. 299].

И поэт становится затворником, прячет свой дар от мира, способного уничтожить его: «я засов тяжелый / Кладу на дверь, чтоб ветер революций / Не разметал моих листов заветных» [10, с. 298].

В эмиграции не только жизнь, но и мечта становится «обузой»: «Уж и мечта, и жизнь – обуза / Не по плечам» [10, с. 297]. Им нет места в этом мире: «Умолкни, Парка! Полно, Муза! / Довольно вам!» [10, с. 297].

И все же именно творчество дает основание для оптимистического восприятия существования человека. В стихотворениях, посвященных творческому переосмыслению мироустройства, креативная интенция доминирует над деструктивной. В концептуально важном стихотворении «Не мать, но тульская крестьянкой» проблема преобразования мира, осмысленная как подвиг служения, становится центральной смыслообразующей категорией лирики Ходасевича:

И вот, Россия, "громкая держава",
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
 Которому служу я в каждый миг,
 Учитель мой – твой чудотворный гений,
 И поприще – волшебный твой язык

[9, т.1, с. 195].

«Завещанный веками», «свободный» язык поэта остается гарантом существования.

Показательно финальное стихотворение последнего поэтического цикла Ходасевича «Европейская ночь», в котором до крайности пошлому европейскому миру противопоставлен созданный в мечтах идеал:

Не лёгкий труд, о Боже правый,
 Всю жизнь воссоздавать мечтой
 Твой мир, горящий звездной славой
 И первозданную красой

[9, т.1, с. 294].

Этот образ первозданного бытия, к которому, по Ходасевичу, можно вернуться «путем зерна», через смерть и воскресение, дает основание говорить об историческом оптимизме поэта, нашедшего противовес обезличивающему и духовно деградирующему европейскому миру. Это та опора, с помощью которой можно преодолеть разорванное сознание личности и вернуть ей целостность и ценностные ориентиры. И главную роль в творческом процессе восстановления гармонического равновесия человеческой жизни в эпоху разрушительных процессов отводится творцу, современному Орфею, способному силой своего таланта преобразить действительность.

Литература

1. Аверинцев С.С. Мифы / С.С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. – Т.4. – М. : Сов. энциклопедия, 1967. – С.876 – 881.
2. Асоян А. Орфическая тема в культуре серебряного века / А. Асоян. // Вопросы литературы. – 2005. – № 4. – С. 41 – 61.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. / А. Белый.: [вступ. ст., сост. А.Л. Казина, коммент. А.Л. Казина, Н.В. Кудряшева] – М. : Искусство 1994. – Т. 1. – М., 1994. – 447 с.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
5. Бочаров С. «Памятник» / С. Бочаров // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. – М. : Согласие, 1996. – Т. 1.: Стихотворения. Литературная критика 1906 – 1922. – С. 5–55.
6. Брюсов В.Я. Собрание сочинений в семи томах. / В. Брюсов [ред. П.Г. Антокольского]. – М. : Худож. литература 1973–1975.
7. Иванов В. Стихотворения и поэмы / Вячеслав Иванов: [вступ. ст. С.С. Аверинцева; сост. и примеч. Р.Е. Помирчего]. – Л.: Сов. писатель, 1978. – 568 с.

8. Топоров В.Н. Об «энтропическом» пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) / В.Н. Топоров. // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Е.Н. Мелетинского. – М. : РГТУ, 1993. – С. 93 – 111.
9. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / В.Ф. Ходасевич. – М. : Согласие, 1996 – Т.1: Стихотворения. Литературная критика:1906-1922 [сост. и коммент. И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова]. – 591 с.
10. Ходасевич В. Стихотворения / В. Ходасевич : [вступ. стат. Н.А. Богомоллова, сост. текста, примеч. Н.А. Богомоллова, Д.Б. Волчека]. – Л. : Сов. Писатель, 1989. – 469 с.
11. Элиаде М. Орфей, Пифагор и новая эсхатология / М. Элиаде // История веры и религиозных идей: в 3 т. – М. : Критерион, 2002. – Т.2. – 2002. – С. 154.

Аннотация

Лавриненко Е.С. «Орфический миф в лирике В.Ф. Ходасевича»

В статье анализируется мифопоэтический образ Орфея, воплотивший авторские представления о теургической личности в поэзии В.Ф. Ходасевича. Проводятся образные и мотивные параллели с творчеством поэтов-современников Ходасевича.

Ключевые слова: мифопоэтика, концепция человека, теургическая личность, интертекстуальные связи

Анотація

Лавриненко О.С. «Орфічний міф в ліриці В.Ф. Ходасевича»

В статті аналізується міфопоетичний образ Орфея, що втілює авторські уявлення про теургічну особистість в ліриці В.Ф. Ходасевича. Проводяться образні та мотивні паралелі з творчістю поетів-сучасників Ходасевича.

Ключові слова: міфопоетика, концепція людини, теургічна особистість, інтертекстуальний зв'язок

Summary

The article is devoted to the analysis of mythopoetical image Orpheus that impersonates author's vision of theurgical personality in the poetry of V.F. Khodasevich.

Key words: mythopoetics, conception of the person, intertextual links, theurgical personality

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом Поборчей И.П.